

Издатель
ФГБОУ «Петрозаводский государственный университет»
Российская Федерация, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

Литературный журнал

Verba

<https://verba.petrsu.ru>

Выпуск 10 (№), 2025

Главный редактор
И. В. Львова

Редакционная коллегия
И. В. Львова

Адрес редакции
185910, Республика Карелия, г. Петрозаводск, ул. Ленина, 33.
E-mail:verba@petrsu.ru
<https://verba.petrsu.ru>

Критика

Куда улетел журавль Чехова?

СМУРОВ ЯН

ПетрГУ (Петрозаводск),
Liskov2000@bk.ru

Чехов. Скажу вам... может, полегчает? Я, когда перечитываю
что пишу... или что уже написал...
будто ем... щи с тараканами.

Э. Чамберс, «Журавль Чехова»[\[1\]](#)

В мае уходящего года британские издания сообщили о кончине Эйдана Чамберса (*Aidan Chambers*, 1934-2025), классика «юношеской литературы», одного из основателей англоязычной прозы формата *young adult*, обновителя художественного языка английской прозы, «теоретика чтения», школьного учителя словесности, в прошлом священнослужителя англиканской церкви...

Романы Чамберса, снискавшие любовь многих поколений европейской молодёжи, всегда диалогичны — флангами труднопримиримого антагонизма в них выступают интенсивно становящиеся личности; сознания, напряжённо, жадно и критично открытые сложному и отнюдь не всегда понятному миру.

Полемика, естественная для юношеских взаимоотношений, в романах Чамберса обращается вокруг «коренных» вопросов бытия — «что ценнее и что честнее — вымысел или суровая правда жизни?» («[Breaktime](#)», 1978), «что есть смерть?» («[Dance on My Grave](#)», 1982), «если мир сотворён Богом, то почему он такой, какой есть?» («[Now I Know](#)», 1987).

Эпоха Чамберса, устойчиво называвшего себя модернистом, живущим в постмодернистские времена, завершилась вместе с XX веком — однако писатель и на десятом десятке продолжал не только творческие, но и организаторские, издательские, просветительские труды.

В нашем отечестве сочинения писателя почти не переводились — и в этом видится большое упущение. Русскоязычному читателю до недавних пор были доступны только педагогический труд Чамберса о книжном воспитании, руководство для родителей «Расскажи. Читаем, думаем, обсуждаем» (1991-93, рус. пер. 2016) и одна повесть, вышедшая незамеченной в конце 2010-х...

Осенью состоялось возвращение Чамберса в Россию — после затянувшейся паузы писатель снова издан по-русски, на этот раз в неожиданном жанре.

Сентябрьский выпуск «Иностранной литературы», отметившей в нынешнем году семидесятилетний юбилей, открывается пьесой Чамберса «Журавль Чехова», задуманной в пандемийные годы и написанной незадолго до кончины. Драматургическим опытом, необычным для последовательного романиста, писатель отдаёт долг русской классике, воспитавшей в нём не только художника безусловно модернистской культуры, чуткого стилиста и увлекательного рассказчика, но и человека глубоко христианского миросозерцания.

Журавль Чехова, поселившийся «за кулисами», в ялтинском саду писателя, встраивается в череду трагических животных европейской сцены: вспомнить хотя бы игуан и кошек, стеклянный зверинец Теннесси Уильямса, Чайку того же Чехова... Что же это за птица? Образ мечты? Вольный журавль в небе вместо синицы, тёплой и надёжно пригретой в руке? Теннесси-уильямсовские твари, брошенные в невыносимый мир человеческих отношений, агонизируют («Ночь игуаны»), мечутся в семейном разоре («Кошка на раскалённой крыше»), как души, терзаемые сомнениями, цепенеют игрушечными тельцами в ожидании мрачного финала («Стеклянный зверинец»), словом, всячески мучаются — а что чеховский журавль?

Апрель 1904 года. Писателя на ялтинской даче одолевают сильнейшие приступы кашля — чахотка разрушила лёгкие, и жизнь понемногу оставляет слабое тело. Супруга Чехова Ольга Леонардовна — вопреки наставлениям свекрови и золовки — готовится перевести умирающего мужа в Москву, а оттуда — в Германию, «на воды». Сестра писателя Мария Павловна выписывает из столицы старого друга и заключенного врага Чехова А. С. Суворина, театрала, издателя правого толка. Ко всему прочему, в разгар семейного противостояния к порогу ялтинского дома является юноша Яков — молодой литератор, племянник «того самого» Моисея Моисеевича из чеховской «Степи»...

Такова исходная мизансцена. Отправляясь от неё, Чамберс изображает два зябких и до тесноты наполненных разговорами дня, завязывая сразу несколько конфликтов, отнюдь не обещая их впоследствии расплести. Борьба за больного завершается возвращением статус quo, а визит старика Суворина, вызванного для увещания Антона Павловича, оборачивается постыдным объяснением, вскрывающим костлявое лицо мёртвой дружбы...

Сюжет взаимоотношений мастера и несколько экзальтированного ученика — несущий всю конструкцию пьесы — обнажает педагогическую (и вообще воспитательную) стратегию писателя:

«Чехов. У писателя всегда должна быть... другая работа... Полезная... Достойная... Чтобы среди людей... самых разных.

Яков. Как у вас медицина?

Чехов. Я лечил больше, чем писал... А иначе не узнал бы столько о людях... Все пошло в работу... Без этого как стать писателем?

Яков. Медицина — пожалуй, да. Но учительство!..

Чехов. Хорошие учителя нужны... не меньше, чем доктора... Им бы условия получше, не грошевое жалованье... А то со всеобщим невежеством... впросак попадем. Рухнем, как трухлявый сарай.

Яков. Но я хочу... как вы. Хочу творить.

Чехов. Вы же учитель... Творите... Каждый ребенок — это еще не написанный сюжет... А вы наставник, вы писатель... Разберитесь, что за история перед вами. Помогите ему стать тем, кем он хочет. Не родители, церковь или школа, а он сам.

Яков. Это мне в голову не приходило».

Разговоры о политике, о писателе и народе, об Эмиле Золя... и вдруг — зов из-за сцены.

Метрономом событий в пьесе служит журавлинный крик — чеховская любимица («красотка») возвратилась в оставленное гнездо, к по-детски восторженной радости больного.

Библейская традиция (Книга Пророка Исаи) связывает образ журавля и страдание, уподобляя жалобы недужного журавлиному крику. Для умирающего Чехова голос перелётной «красавицы» звучит утешением в земном — телесном — недуге, напоминанием о чём-то, существующем помимо мелких правд напрасных ссор. Окружённый заботой, хлопотливым участием, писатель то и дело прислушивается к заповедному зову — оттуда, из «когдатошней» (счастливой) жизни.

Герои пьесы — решительно все — бегут от чего-то: Чехов — от медленного увядания, пускай к смерти, но «не здесь», где прошла жизнь и где было счастье; Яков — из постыдной жизни «за чертой оседлости»; Марья Павловна — от печальной неправоты близких...

Невозможность довести до точки, до последней честности множественные коллизии героев пьесы коренится всё в той же «полифоничности» чамберсовского искусства, не допускающего исчерпывающих обобщений и не терпящего резонёрства. Жизнь — в поиске, в столкновении, вечном разговоре с другим, собой, Богом...

В конечном счёте, додумывает чамберсовский Чехов, «старый мир» (Суворин) от «нового» (Яков), либерализм от консерватизма, любовь к себе от альтруистического служения, истину от иллюзии отделяет — пускай важная — условность — возраст, опыт, отношение, доза откровенности.

Основной сюжет пьесы — сближение «старого» и «нового» — развивается в контрапункте с чеховским сюжетом «Чайки»: кульминационной можно считать сцену четвёртую, в которой герои, *protégé* Чехова — еврейский юноша Яков, намеренный «стать писателем», и девица Настя, метящая в актрисы, — разыгрывают эпизод из, вероятно, самой известной пьесы драматурга. Молодая актриса и революционно убеждённый идеалист влюбляются под крышей ялтинского дома, приняв амплуа Заречной, переживающей душевный

переворот, и Треплева, находящегося в последнем отчаянии, на бездорожье (четвёртое действие).

Финальная сцена «Чайки» обрывается поцелуем героев, пресекающим роковой исход чеховской комедии:

«*Настя*. <...> Этого не было в пьесе.

Яков. В этой — не было. Может, тогда в нашей?.. Или ты... Снова притворялась?»

«Мировую душу» (вспомните постановку Треплева) увлекает за собой колесо истории. *К другой жизни*.

Может статься, к другой — новой жизни — зовёт и журавль Эйдана Чамберса?

Исход биографического сюжета его героя известен заранее: отъезд четы Чеховых, Москва, Баденвайлер, смерть писателя летом 1904 года. Шампанское... «Ich sterbe»...

Чамберсовский сюжет завершается сценой прощания: студент (естественно, левых взглядов) желанным гостем поселяется на даче Антона Павловича, в последний раз покинутой писателем. Слышится крик журавля.

Если бессмертна душа, то и мечта не умирает, если подлинна вера, то не тщетна надежда —*пусть предельно странствие земное*.

Спустя сто лет английский классик жизнью и словом своим утвердил мысль классика русского.

[1] Перевод с английского Е. Карпова и Т. Бабаевой (2025).